

История засекречивания - рассекречивания картографической информации в СССР и современной России

Ю.Н. Голубчиков (Москва)

golubchikov@list.ru

Annotation

The history of unjustified secrecy and deliberate distortion maps in the Soviet Union and its consequences, in particular for local history work are under consideration. It is told about the initiation of the declassification of cartographic information by the magazine "Energy" and the author's participation in the process. Secrecy of a modern geospatial database is considered. Criticism of AO "Roskartografia" and justified the creation of the Ministry of Cartography and Geoinformatics of Russia.

Keywords: *topographic maps, secrecy, regional studies, satellite images, Roskartografia*

Последствия засекречивания. Одно время почти все топографические карты в СССР были рассекречены. С 1920 по 1923 гг. Красная армия согласилась рассекретить свои десятиверстные карты, потом трехверстные карты, потом старые или перепечатанные со старых издания двухверстных карт неприграничных регионов. К 1924 году единственными засекреченными топографическим картами оставались лишь новые послереволюционные карты на пограничные районы страны. Впрочем, этих карт не существовало. Ни масштаб, ни рельеф в то время не являлись критериями для засекречивания карт. Единственным подобным критерием могло служить изображение на них военных объектов или наличие специфической военной информации [Барон, 2010].

В 1938 г. вся геодезическая и картографическая служба страны передаётся в подчинение НКВД, где создаётся Главное управление геодезии и картографии (ГУГК). С тех пор почти на все годы существования СССР все карты масштаба крупнее 1:2 500 000 оказываются засекреченными, а карты публиковавшиеся в открытой печати были существенно искажены.

С середины 1950-х годов ГУГК стал подчиняться Министерству геологии, затем непосредственно Совету Министров СССР, но консервативность структуры сохранилась. Ни одна из крупных стран мира не была изучена картографически столь обширно и полно, как СССР. Почти вся его громадная территория была покрыта топографической съёмкой масштаба 1:25 000 (в 1 см 250 м). Однако, ни в одной из стран мира, информация о столь огромных пространствах не была столь плотно закрыта для своих граждан, как в СССР.

Небольшой подъём рассекречивания карт крупных масштабов пришёлся на 50-е – начало 60-х годов. Тогда выходили интересные атласы областей. Но опубликованные в те годы карты вскоре вновь стали выпускаться с грифом «секретно», а искажения стали вноситься даже на наши самые секретные топографические карты. Произошло это сразу после знаменитого «дела Пеньковского». Он передал наши секреты США, спутав, тем самым, планы действий в Карибском кризисе. Третья мировая война была предотвращена, предатель расстрелян, а все коды и шифры пришлось менять.

Не отстала и картографическая служба страны. Желая получить новое финансирование под обновление всех топографических карт, она предложила заодно с шифрами и кодами изменить и систему координат 1942 года (Пулково-1942), построенную на аппроксимации Земли эллипсоиду Красовского. Ввели новую систему координат 1963 г., но с динамическим, несистемными случайными искажениями. Выпущенные в новой системе координат карты оказались искажены, но так, что где-то этих искажений вообще нет, а где-то они есть в ту или иную сторону, то больше, то меньше.

Дело было поставлено даже на научную основу. По вопросам специальных искажений было защищено немало диссертаций. Сохранять в тайне информацию об окружающей среде, следить за использованием топокарт и аэрокосмических снимков – большой, хорошо оплачиваемый труд. Им занимались и высококвалифицированные специалисты, и лица, не имеющие подчас делать ничего больше, кроме как запрещать. Дезинформационный этот труд был уже сродни «антигеографии». Отсюда вытекала засекреченность космических снимков.

С 1966 г. перечень географических сведений, не подлежащих опубликованию в

открытой печати, непрерывно расширялся вплоть до 1988 года. Издания ГУГК 1970-80-х годов представляли собой уже просто большие листы административных образований, щедро залитые розовой краской, с совершенно неузнаваемой гидрографической сетью и с третью отмеченных населённых пунктов. Грифами “Для служебного пользования” и “Секретно” были запечатаны схемы лесной таксации, планы землепользования и состояния земель, крупномасштабные почвенные, геоботанические, геоморфологические, ландшафтные, экологические, короче, почти все тематические карты.

Карта - своеобразный синтез науки, техники и искусства. Неслучайно подготовленная к изданию карта называется картографическим произведением. Кем-то сказано: “чем бесчестнее произведение искусства, тем честнее оно как документ времени”. История преднамеренного искажения карт есть документ эпохи развитого социализма. Закрытыми в конце существования СССР оказались даже открытые карты прошлых лет издания. Закрыт был 2-й том Большого Советского Атласа Мира, выпущенный в 1937 году, закрыт продававшийся в 1934 году Атлас Московской области. Закрыты были даже дореволюционные топографические карты. В спецкартфонде Библиотеки им. Ленина хранилась, например, Географическая карта Московской провинции 1774 года издания - интересный исторический документ с описанием городов Подмосковья. Выдавалась она только для служебного пользования.

Зачем было засекречивать топографические карты конца XIX- начала XX века? Тем более что 28 июня 1941 года весь хранившийся тогда в Минске топокартофонд страны оказался в руках врага. Еще были им захвачены топографические склады в Риге, Киеве, Львове, Тирасполе, Шяуляя, во всей приграничной полосе. Начальник Военно-Топографической службы Генштаба РФ генерал-лейтенант А.И.Лосев писал, что войска в первые дни войны лишились 100 млн. карт [Лосев, Казаков, 1992].

ГУГК вместе с Военно-Топографической службой Генштаба, возглавляемой генерал-майором М.К.Кудрявцевым, провели в 1941-42 годах гигантскую работу по восстановлению утраченных карт. Заметим, что М.К. Кудрявцев принял топографическую службу Генерального штаба в 1938 году, когда ему было 36 лет, и оставался на этом посту 30 (тридцать) лет при Сталине, при Маленкове, при Хрущеве,

при Брежнев, по 1968 год [Суворов, 1998].

В итоге у противника чуть ли не любой солдат обладал топографической картой, а у нас не каждый боевой офицер, а то и генерал, имели её. А тот, кто имел, не всегда ещё умел читать карту. А как этому было обучиться, если на реальную местность карты засекречены и учеба нередко осуществлялась по условным картам с несуществующими городами типа Снов?

Война преподавала хороший урок. Во-первых, нашу непреодолимую тягу к секретности враг использовал против нас же. Во-вторых, умение работать с картой, разбираться в окружающей обстановке необходимо не только для научной и краеведческой работы. Элементарным навыком обращения с ней должен обладать каждый.

Неоправданная засекреченность экологической, картографической и аэрокосмической информации вела также к существенной деформации отечественной географической и экологической науки. Одни избегали получать допуск к работе с топографическими картами и аэрокосмическими снимками, опасаясь сложностей при оформлении турпоездки или научной командировки за рубеж. Другие, напротив, стремились привести в своей работе хоть какую-то крупномасштабную картооснову, чтобы, засекретив тем самым всю работу, избежать ее широкого обсуждения. Закрытые темы легче было защищать.

В СССР появились неплохие разработки глобально-планетарного характера с тревогой за судьбу всей планеты, особенно капиталистической ее части. Не было недостатка в многолетних детальном исследованиях локального порядка, проводимых на различных стационарах. Но почти отсутствовали глубокие научные публикации, да и сами разработки, проводимые на уровне конкретного административного района или области. Ведь география - наука пространственная и говорит языком карт. Карты для географа, что ноты для музыканта. Но карты были засекречены.

Ни одна из развитых стран мира не засекречивала в ту пору карт ни на свою территории, ни, тем более, на нашу. У них была объектная, а не площадная засекреченность. Американское национальное агентство по аэрокосмическим исследованиям (NASA) рассекречивало, например, 90% своей информации, и охотно

продавало её всем заинтересованным потребителям. NASA было кровно заинтересовано в засекречивании наших космоснимков. Это позволяло агентству сохранять монополию на продажу материалов космической съёмки. СССР же, затрачивая гигантские ресурсы на космическую программу и получая на определенном этапе лучшие космоснимки, умудрялся не извлекать из этого достижения никакой прибыли. С удивлением и, наверное, не без удовольствия смотрели иные страны на такое наше расточительство. Немалые, следует думать, деньги вложил западные спецслужбы на установление запретов на распространение советской космической информации через подкупленных ими лиц в советских спецслужбах.

Сокрушение краеведения. Разгром генетики или кибернетики многократно описан и хорошо известен. Гораздо менее освещена ликвидация тех «неглавных наук», что не расширяли мир наших вещей, не усиливали власть человека над природой. К числу таких наук принадлежит и краеведение. В современном научном мире России оно связывается не с фундаментальным знанием, а с просветительской или памятнико-охранительной деятельностью, осуществляемой энтузиастами-общественниками. Наука от краеведения отказалась, и оно оказалось в ведении краеведческих музеев, школ и турклубов. Но так было не всегда.

До конца 1920-х гг. краеведение рассматривалось как особая наука, направленная на изучение местного края [Большаков, 1927] или географии родного края [Берг, 1925]. Это было своего рода “малое страноведение” [Барков, 1961]. По многим уездам выходили объемные краеведческие сборники. Живым, увлекательным языком, сопровождаемым детальными картами, подавались разнообразные сведения о природе и людях. Издавались журналы «Краеведение», «Советское краеведение», «Экскурсионное дело», «Московский краевед», «Северная Азия», «Советский Север», «Живая старина». Число краеведческих организаций к 1930 году превысило 2000 [Ефремов, Калинин, Юньев, 1959; Большаков, 1927].

В 1930-е годы многие из любителей своего края были обвинены в «великорусском шовинизме» или «местном буржуазном национализме». Такие обвинения означали в то время не только отстранение от дела, которым живешь. В то же время неуклонно стала проводиться линия принципиальных различий законов,

управляющих природой и обществом. Прежде всего, эти положения сокрушали географию. Физическую географию было предложено считать естественнонаучной дисциплиной, руководствующейся прежде всего положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии. Строгие голоса предупреждали, что любые попытки смешения естественных и общественных законов в одной концептуальной схеме недопустимы.

Краеведение же как раз выполняло функцию естественно-гуманитарного моста между физической и экономической географией и никак не дробилось на множество общественных и естественных отделённых друг от друга дисциплин. В таком виде оно оказалось не только не вписывавшимся в схемы, но и не нужным. «Цикл «физической географии» был направлен на подготовку специалистов по геоморфологии и к нему не было претензий. Но кого мог выпустить цикл “география человека”? Еще больше сомнений вызывал цикл “страноведение и краеведение”, в учебном плане которого не было курсов специализации, за исключением только “музееведения” — писал видный отечественный географ Ю.Г. Саушкин ([2001, с. 25]).

Карты для краеведа, что ноты для музыканта. В те же времена ужесточается доступ ко всем крупномасштабным картам – основе краеведческой работы. Ведь карта для краеведа, что ноты для музыканта. Но карты оказались засекреченными.

Патриотический курс краеведения из-за неоправданной засекреченности крупномасштабных топографических карт в СССР почти угас. То официальное движение, которое оформилось к 1970-м гг. под названием «краеведения» правильнее было бы именовать историей КПСС в данном городе или крае. Это уже был полный разгром интереса к краеведению у народа.

Засекреченной отчасти оказалась и конкретная краеведческая информация. Министерство культуры своими циркулярами и рекомендациями немало содействовало нивелировки и шаблонизации краеведческих музеев под тему партийного строительства. Сотни краеведческих музеев оказались похожи один на другой. «Ряд музеев вынужден прятать в фондах ценнейшие коллекции, лишь бы соблюсти заданный им шаблонный процент соотношения определенных разделов тематики.

Ужгородский музей славился на всю Европу коллекциями бронзы и нумизматики, но все это было убрано в фонды» ([Ефремов, Калинин, Юнъев, 1959], с. 16).

Начало рассекречивания. Первым поставил в СССР вопрос о неоправданной засекреченности информации о состоянии природной среды в 1987 году тогда еще молодой журнал Президиума АН СССР «Энергия». В те времена он был очень популярный и продавался чуть ли не в каждом киоске.

Один из основоположников журнала видный физик и организатор науки Артемий Мнацаканян сумел предоставить редакции хорошее помещение в здании академического Института высоких температур. Талантливый редакционный коллектив, собранный Евгением Ильичем Балановым, отличался большим числом пишущих людей. Особенно выделялись генерал в отставке Владимир Павлович Червонобаб, писатель Владимир Абрамович Друянов, журналисты Сергей Николаевич Пширков, Слава Ларин, его отец.

В № 11 за 1987 год журнал «Энергия» опубликовал статью Игоря Исидоровича Альтшулера и Рубена Артемьевича Мнацаканяна «Гласность и экология». Вопрос в ней был поставлен жестко: отсутствие достоверной экологической информации наносит стране экономический ущерб и компрометирует ее в глазах мирового сообщества. Опубликовать в то время такую статью было дело небезопасным. Неизвестно было ещё как повернут ветры наметившейся перестройки.

Игорь Альтшулер попросил меня поддержать статью. Я направил письмо в редакцию о солидарности с авторами, затронув одновременно проблему неоправданной засекреченности топографических карт и аэрокосмических снимков. Через некоторое время со мною созвонился В.П. Червонобаб с просьбой подготовить статью на тему о засекреченности карт. Владимир Павлович хорошо знал проблему, сам когда-то командовал яворовским военным полигоном подо Львовом, служил в Генштабе. В благоприятном исходе публикации для нас уверенности не было, даже обсуждали её детали мы с В.П. Червонобабом не в редакции, а на скамейках метро. Потом Владимир Павлович долго согласовывал статью в высоких лубянских комитетах, вроде выходил даже на самого Председателя КГБ Крючкова. Раз позвонил мне и велел каждый день быть на рабочем месте. Могут, мол, мне позвонить и вызвать для собеседования на

самый верх. К счастью, никто не позвонил, а в майском номере за 1988 год вышла объемная статья «Не пора ли открыть карты?».

Статья тут же вызвала большой резонанс. Благодаря усилиям Е.И. Баланова было организовано её обсуждение в популярной тогда телепередаче «Взгляд». Поступило много читательских откликов, подборка которых была в 10 номере журнала «Энергия» вместе со злобным ответом из ГУГК. Особенно трогательным было письмо И.Д. Прилежаева из Ленинграда, начинавшееся словами: «Написать письмо в поддержку статьи Ю.Н. Голубчикова, пожалуй, единственное, что я могу сделать для решения давно назревшей проблемы неоправданного засекречивания карт».

А вот начальник Военно-Топографического управления Генштаба СССР генерал-майор А.И. Лосев поучал по поводу моей публикации в «Огоньке»: «Есть даже такие карты, что насчитывают несколько веков, но их нецелесообразно раскрывать. Да, да, не удивляйтесь. Время ещё не пришло. Некоторые органы печати сейчас с иронией пишут о таком факте, что карта Московской Провинции 1774 года находится в спецхране. Но все это идёт от некомпетентности, незнания специфики нашего дела. И это подводит. А в этой карте есть свои важные особенности» (цит. «Красная звезда», 22 июля 1989 г.). Сейчас эта карта рассекречена, и совершенно непонятно, какие «особенности» заставляли ее секретить.

После выступления журнала «Энергия» начали выпускаться картографические материалы на топографической основе со все повышающейся информативностью.

Созданная в СССР самая мощная система государственной безопасности и засекречивания информации не послужила делу сохранения страны. Она была сокрушена «в один день и бедственную ночь». «Суперзасекреченность» скорее способствовала сокрушению Советского Союза мыслящими в пользу противника интеллектуальными силами. Вся секретная база СССР, сосредоточенная в штабах военных округов союзных республик, вместе с офицерами, топографическими картами и аэрокосмическими снимками, оказались распределенными между странами ближнего зарубежья... Их тут же стало можно купить возле магазина «Атлас» в Москве, а также во Львове, Кишиневе Риге, Талине, Баку, Ашхабаде, Душанбе. До сих пор их продают и в Прибалтике, и на Украине. Пришлось и Роскартографии снять грифы секретности с

карт мельче 1:100 000. К тому времени всем была понятна вся архаичность их засекречивания.

Современная засекреченность геопространственной базы данных. Теперь, казалось бы, заняться краеведением стало возможным с иных позиций. Казалось, вот теперь-то можно вовлекать в столь нужную для страны работу с крупномасштабной картой студентов и школьников. Но не тут-то было.

Традиции выросшей из недр Главного управления геодезии и картографии (ГУГК) НКВД Роскартографии сохранились. Структура настояла на сохранении грифа «для служебного пользования» для топографических карт масштаба 1:100 000, а картам 1:50 000 на территорию более 250 км и более крупного масштаба присвоила гриф «секретно» [Развернутый перечень..., 1995, п. 14]. Закрытыми, согласно этому перечню, оказались даже карты для проведения соревнований по ориентированию на местности (спортивные карты) масштабов 1:10 000 - 1:25 000.

Пункт 15 того же перечня засекречивает координаты «географических объектов», определённые с точностью 30 метров и точнее. В продаже при этом легко доступны приборы GPS, позволяющие определять планово-высотное положение объекта с точностью до 3-5 м. Более дорогие приборы могут обеспечить точность до нескольких сантиметров. Приемниками GPS (Global Positioning System) с ГИС оборудована каждая новая иномарка. Они позволяют не только ориентироваться на местности любой страны мира, но и предвидеть пробки на дорогах, определять местоположение автомобиля при угоне. Приемники GPS становятся в мире тем же элементом быта, что и мобильные телефоны, которые, кстати, у нас тоже до поры до времени были запрещены. Россия добровольно уступила место на отечественном навигационном рынке спутниковой системе GPS, созданной министерством обороны США. В то же время отечественный ГЛОНАСС долгое время был засекречен, его коммерциализация только начинается.

Вновь видим, что, как и в советское время, нелепые для XXI века российские запреты на распространение геопространственной базы данных, крупномасштабных топографических карт и космоснимков выгодными могут быть только иностранным поставщикам. Во всем мире идее процесс монополизации банка базовых

пространственных данных. В России же процесс, скорее, обратный.

Подробную карту своей страны россияне могут рассматривать только на зарубежных картографических сервисах. Спутники типа GeoEye выдают уже снимки с пространственным разрешением в 0,47 см на пиксель. В то же время в сейфах первых отделов ветшает огромный массив бумажных топографических и тематических карт со столь нужным для краеведческой работы разрешением 50 метров на 1 мм (1:50 000). Хотя с них легко можно было бы убрать определённые объекты. Секретность вообще не функция масштаба. Секретные сведения могут быть размещены хоть на глобусе.

Закрытыми оказались также любые специализированные тематические карты и планы, создаваемые на крупномасштабной основе. За открытое распространение крупномасштабных топографических и тематических карт в бумажном или электронном виде, как и космоснимков, соответствующая статья уголовного кодекса предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 4 лет. В советское время за утрату топографической карты давали 7 лет, так что какой-то прогресс есть. Между тем, для безопасности страны все важнее становится не ограничение получения информации с карты, а обеспечение и обучение ею всевозможных пользователей.

Как и в советское время, так и сейчас, засекречивание крупномасштабных топографических карт и космоснимков выгодно может быть только их западным поставщикам. США Франция, Индия, Израиль, Канада, Финляндия, Тайвань многократно сняли и снимают российскую территорию. С удовольствием продают они и России свои снимки.

Секретность в сетевой ловушке. Появившиеся в Интернете космические снимки с линейным разрешением на местности до 30-60 см (с аппаратов QuickBird, Orbview, EROS, KVR-1000, IKONOS, GeoEye) полностью революционизируют географические представления. Заказать съемку и получить лично ориентированную информацию можно по Интернету. Возможности изучения малых ареалов в крупных масштабах существенно возросли с появлением геопространственных продуктов семейства Google.

Тогда как геоинформационные системы (ГИС) остаются дорогими программами, ограниченными в пользовании опытными специалистами, разработки подобные

появившемуся в июне 2005 г. семейству продуктов компании Google (Google Earth и Google Maps) демонстрирует доступные всем инструменты навигации и онлайн-ового картографирования. Их успех связывается с появлением возможности каждому увидеть местность такой, какая она есть на самом деле - не опосредованной картографическим представлением (векторизацией) в ортогональной проекции, как на аэрокосмоснимках (так видят земную поверхность только космонавты), а под любым углом зрения в каком угодно масштабе. В то же время развитие аппаратной базы обычных персональных компьютеров позволила работать с изображениями большой размерности в максимально удобном для восприятия виде [Володченко, Голубчиков, Ерёмченко, 2014].

Семейство продуктов Google не отменяет традиционные бумажные карты. На каком-то этапе, а может быть, и всегда, они будут сосуществовать. Как сосуществуют портреты, нарисованные карандашом или красками, с фотопортретами, хотя удельный вес последних все более возрастает. Открываются возможности соединения моделей Google с горизонталями рельефа и тематическими крупномасштабными картами (ландшафтными, геоботаническими, почвенными, геоморфологическими). Но эти карты в России закрыты. Приходится не обновлять по Google тематические карты, а составлять их заново. А вот западным нашим коллегам этого делать не приходится, у них тематические карты в подавляющем большинстве никогда не закрывались. И опять плетемся у них в хвосте, и они учат, как жить.

Теперь каждому открываются возможности и пути участия в «краеостроительстве» своего края, деревни, села, улицы или района, т. е. территории доступной личным и длительным наблюдениям. Благодаря Google любой пользователь сети может теперь бесплатно воспроизводить трехмерные (геопортальные) модели земной поверхности в каком угодно масштабе и отражать на них пространственную динамику земель, распространение пятен застройки, эстетику окружающей среды. В народе стихийно поднимается третья волна отечественного интереса к краеведению. На основе Интернета идет становление своего рода «народной метанауки». По самой своей сути она призвана преодолевать барьеры между самыми разнообразными дисциплинами, как естественными, так и гуманитарными, как религией, так и наукой.

Сегодня Интернет, краеведение и массовый туризм вовлекают в процессы познания самые широкие слои населения и, тем самым, разбивают кастовость научного сообщества, административные рамки и цеховые условности.

Современные трансформации картографической службы. С появлением продуктов Google Earth и Google Maps, державшаяся на засекречивании и мощной централизации служба Роскартографии продемонстрировала исчерпанность своих возможностей. Своевременным поэтому оказался указ президента России Дмитрия Медведева от 12 мая 2008 года о передаче функций по геодезии и картографии Министерству экономического развития РФ. В составе этого Министерства возникло Федеральное агентство геодезии и картографии.

Однако уже с 1 марта 2009 года вступил в силу другой Указ Президента Российской Федерации «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (Росреестр). В соответствии с ним Федеральное агентство геодезии и картографии оказалось вообще упраздненным, а создание инфраструктуры пространственных данных Российской Федерации было возложено на Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Эта уже была другая не менее опасная крайность. На этот раз по умалению и уничтожению великой картографической службы самой огромной в мире страны. Вероятно, российское руководство слепо скопировало и перенесло на российскую почву опыт малых европейских стран.

Забывается, что Россия величайшая в мире страна и подходить к ней нужно с иных начал. Функции картографии здесь не в инвентаризации объектов недвижимости и сделок с ним. В России картография должна нести прежде всего образовательно-просветительскую миссию. Раньше она была лишена ее из-за неоправданно высокой засекреченности. Сегодня – из-за искусственной маргинализации. Такой великой стране, как Россия, нужно не акционерное общество «Роскартография» (таково современное название бывшего ГУГК), а Министерство геоинформатики и картографии. Во многом его деятельность должна быть направлена на поддержку и краеведения – философско-методологическую основу муниципального управления страной, имиджевое продвижение России в мировом информационном пространстве.

Величина и величие России требуют возвышения ее картографической службы и геопроостранственной базы данных на невиданную для других стран высоту. Недаром в свое время ГУГК был непосредственно подчинён Совету Министров СССР. Впереди у него работы по картографированию Луны и планет Солнечной системы. Неужели и это всего лишь сделки с недвижимостью и Росреестр?!

Список литературы

Барков А. С. О научном краеведении. Ещё о научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. — М. Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71-83.

Барон Н. «От греха подальше...»: цензура и контроль над топографическим знанием в Советской России (1918-1925) // Историко-биологические исследования, 2010, том 2, № 54. С. 84-92.

Володченко А.С., Голубчиков Ю.Н., Ерёмченко Е.Н. О синтезе неогеографии и метакартосемиотики // Геоконтекст, 2014, № 2. С. 48-60. <http://geokontext.org/data/geokontext-2-2014.pdf>

Ефремов Ю.К., Калинин Ф.П., Юньев И.С. Значение краеведения для советской географии // Материалы к III съезду Географического общества СССР. Доклады по проблеме «Состояние географии в средней и высшей школе в связи с реформой среднего и высшего образования». Л.:ГО СССР, 1959. 24 с.

Лосев А.И., Казаков В.И. Корпус военных топографов // Военно-исторический журнал, 1992, № 10. С. 79-82.

Развернутый перечень сведений, подлежащих засекречиванию по системе федеральной службы геодезии и картографии России, 1995.
<http://www.zakonprost.ru/content/base/part/14122>

Саушкин Ю.Г. Студенческие годы в Московском университете. Из неопубликованной книги «Географическое мышление». — Смоленск: Универсум, 2001. С. 15-42.

Суворов В. Последняя республика, 1998, М.: АСТ, 1998, 480 с.

Аннотация

Рассматривается история неоправданного засекречивания и преднамеренного искажения карт в СССР и его последствия, в частности, для краеведческой работы. Рассказывается об инициировании рассекречивания картографической информации журналом «Энергия» и авторском участии в этом процессе. Рассматривается современная засекреченность геопространственной базы данных. Критикуется деятельность АО «Роскартография» и обосновывается создание Министерства картографии и геоинформатики России.

Ключевые слова: *топографические карты, секретность, краеведение, космические снимки, Роскартография*